

Александр КОСТЕРЕВ

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ ЗАПАДА И ХАРИБДОЙ ПАНСЛАВИЗМА

Золотая середина — понятие греческой философии, которое встречается у Аристотеля, означающее разумную середину между двумя нежелательными крайностями, а сама идея умеренности как идеала возникла задолго до Аристотеля, придя к нам из десятой оды Горация:

Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, что питает в других зависть, —
Дивных чертогов.

Реформы Петра I, бурное XVIII столетие, ужасы войны с французами 1812 года размежевали продвинутую, как бы сейчас сказали, часть русского общества (дворянство, философы, литераторы) на сторонников и противников «принудительной» европеизации, а после эти группировки институционально начали формироваться в так называемые течения славянофилов и западников.

Однако небольшая группа предпочитала придерживаться золотого правила — истина всегда посередине, сформулировав основные принципы течения почвенников на страницах ряда толстых литературных журналов, главным образом «Время» и «Эпоха» Аполлона Григорьева, братьев Михаила и Фёдора Достоевских, Николая Страхова, проводивших острую полемику с рупором нигилизма — «Русским словом» Д.И. Писарева и оплотом революционных демократов журналом «Современник» Н.Г. Чернышевского.

Несмотря на то, что почвенничество представляло собой разновидность европейского философского романтизма и примыкало к позднему славянофильству, полное его отождествление с этими течениями не вполне корректно. В непримиримом противоборстве славянофильства и западничества, когда «редкий современник представлял себе иное решение проблемы «Россия — Запад», нежели альтернативное», представители почвенничества признавали положительные начала обоих этих течений, но претендовали на собственную независимую «нейтральную» позицию. Эту собственную позицию Ф.М. Достоевский декларировал в сентябре 1860 года в «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год», которое, по сути, стало манифестом почвенничества.

Культурно-историческую систему взглядов почвенников можно условно назвать славянофильской, но без идеализации славян, принятой в произведениях основоположников славянофильства Хомякова и Киреевского.

Обратимся к творчеству одного из виднейших сторонников почвенничества К.Н. Леонтьева, 190-летний юбилей со дня рождения которого, отмеченный в 2021 году, к сожалению, не привлек должного и достойного этого философа внимания.

КТО ВЫ, ГОСПОДИН ЛЕОНТЬЕВ?

Может показаться, что Леонтьев — писатель, прекрасно знакомый читателю, а сочинения его являются предметом изучения выдающихся критиков, но эта оценка призрачна, ибо сочинения Леонтьева практически не перепечатывались отдельными изданиями и могут быть изучены только по старым журналам, газетным изданиям, комментариям (чаще негативным) современников и потомков.

Как публицист и писатель в области религиозно-философской мысли, К.Н. Леонтьев необычайно оригинален, самобытен и смел. С большой долей уверенности можно утверждать, что у Леонтьева как при жизни, так и теперь были и есть преданные, но очень немногочисленные поклонники.

Объясняется это просто: Леонтьев бесстрашно и непреклонно шел, что называется, против господствовавшего течения, которым следовала основная масса читателей, не боялся выступать с критикой великих и признанных — Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, а исключительное своеобразие и самобытность не позволяли ему примкнуть к какому-либо хоть сколько-нибудь видному литературному или философскому направлению.

Неоднократно предпринимались попытки навязать Леонтьеву статус «русского Ницше». Анатолий Александров в статье «Из воспоминаний о Леонтьеве» заметил: «... кажется, по привычному преклонению нашему пред Европой думали <этим> сделать ему большой комплимент. Но большой ли комплимент или большая обида — а большой интерес к К.Н. Леонтьеву это вызвать во всяком случае могло; могло создать и спрос на его сочинения и познакомить, наконец, русского читателя с настоящим К.Н. Леонтьевым».

На ранних этапах Леонтьев полностью разделял взгляды славянофилов на славянские народности, безоговорочно в них верил, уповая преимущественно на самобытность и объединяющую силу русского духа.

В.В. Розанов в книге «Литературные очерки. Поздние фазы славянофильства. К.Н. Леонтьев», увидевшей свет в 1899 году, так прокомментировал философские взгляды Леонтьева: «Почти неизвестный при жизни, он тотчас после смерти вызвал обширную и страстную о себе литературу <...> гораздо обильнейшую, нежели какая была посвящена которому бы то ни было из славянофилов. Славянофил ли он? Но неужели же западник? Западники отталкивают его с отвращением, славянофилы страшатся принять его в свои ряды — положение единственное, оригинальное, указывающее уже самую необычайностью своею на крупный, самобытный ум; на великую силу, место которой в литературе и истории нашей не определено».

После смерти Леонтьева, особенно в XX веке, его труды были основательно забыты, более того неоднократно подвергались критике в советский период.

Так оценка творчества К. Леонтьева А.М. Горьким менялась от «консерватора» до «матерого консерватора». В статье «О том, как я учился писать» 1930 года она звучала буквально так:

«Когда я читал книги «консерваторов» <...> я не находил ничего нового для себя <...>. Было совершенно ясно, что вся премудрость консерваторов — К. Леонтьева, К. Победоносцева и других — пропитана той «народной мудростью», в которой наиболее крепко сжата церковность».

В докладе на съезде советских писателей в 1934 году Горький выскажется значительно резче: «А основной смысл сборника «Вехи» повторял сказанную в 70-х годах изуверскую мысль матерого консерватора Константина Леонтьева: «Россию надо подморозить», т.е. затоптать в ней все искры огня социальной революции. «Вехи» — этот акт ренегатства «конституционалистов-демократов» — старый ренегат Лев Тихомиров весьма одобрил, назвав его «отрезвлением русской души и воскресением совети».

РОССИЯ И ЕВРОПА

«Я был учеником и ревностным последователем нашего столь замечательного и (уву!) до сих пор одиноко стоящего мыслителя Н.Я. Данилевского, — писал Леонтьев, — который в своей книге «Россия и Европа» сделал такой великий шаг на пути русской науки и русского самосознания, обосновавши так твердо и ясно теорию смены культурных типов в истории человечества. Были и есть у нас еще люди прекрасной души, высокого ума, достойные признательности и уважения, — это славянофилы».

По Леонтьеву, без учета различных переходных оттенков, все русское общество можно разделить на две противоположности: народную, которая ничего кроме своего русского не знала, и космополитическую, которая своего русского почти не знала и с известной долей презрения относилась к народу. Славянофилы встали на защиту «народных святынь»: православия, институтов церкви, общины, народных нравов, обычаев, преданий.

Нельзя не отметить, что у К.Н. Леонтьева, как и у славянофилов одна, общая духовная основа — Православное христианство. В этом отношении у Леонтьева гораздо больше сходства со славянофилами, чем, например, у Вл. Соловьева, философия которого, тоже религиозная, но строится на догматах не православной, а латинской, римско-католической церкви.

«...Наружное политическое согласие с Европой, — подчеркивает Леонтьев, — необходимо до поры до времени; но согласие внутреннее, наивное, согласие идей, — это наша смерть!! Не нам надо учить народ, а самим у него учиться. Мы современные европейцы, а народ наш не европейец; скорее его можно назвать византийцем, хотя и не совсем, вот чем он лучше и выше нас. Для нас вопрос решается так: если культурная солидарность наша с Западом неотвратима и неисцелима, то национальное дело наше раз и навсегда проиграно».

И далее: «Во-первых, я постичь не могу, за что можно любить современного европейца... Во-вторых, есть любовь — милосердие, есть любовь восхищение, есть любовь моральная, и любовь эстетическая. Попробуем приложить эти чувства к большинству современных европейцев. Как их жалеть?! Они так самоуверенны и надменны; у них так много перед нами и перед азиатцами житейских и практических преимуществ? Мне кажется, чтобы почувствовать невольный прилив к сердцу того милосердия, той нравственной любви, о которой я говорил выше, надо видеть современного европейца в каком-нибудь униженном положении: побежденным, раненым, пленным, — да и то условно».

Леонтьев без общепринятых реверансов (обычных в нашей литературной критике) так объясняет эти, на первый взгляд, неутешительные выводы: «...мы должны сказать, что все государства западной Европы должны в не слишком продолжительном времени отречься от всего того, что составляло национальные основы их государственности. Солются ли они постепенно в один атеистический союз или сгруппируются по племенам <...> ничем почти культурно и не разнясь друг от друга, — все это вопрос второстепенных оттенков, ибо во всех этих случаях Запад будет еще враждебнее Русской империи и союзу Восточно-Православных народов, чем была Европа».

При этом славянофилы не придавали значения тому факту, что при слиянии или смешении интеллигенции с народом, которое они пропагандировали: «...не народ, — как подметил Леонтьев, — слиняет, так сказать, на нас своими яркими национальными цветами, а мы заразим его нашими европейскими миазмами, потому что мы все-таки сильнее его ежедневным нашим влиянием...»

Показательна речь Достоевского о Пушкине, произнесенная на заседании «Общества любителей российской словесности» в 1880 году, которая подверглась Леонтьевым резкой критике в связи с призывом Федора Михайловича к русским стать братьями для всех без исключения людей. Мне кажется, что Леонтьев понял этот призыв в буквальном смысле, без учета невозможности практической реализации этой планетарной миссии и не только в настоящем, но и в грядущем. Возможно, это непонимание вызвало реакцию Леонтьева, так как поднятое Достоевским общефилософское знамя, подхваченное общественным сознанием, могло в исторических реалиях привести Россию к катастрофическим последствиям.

На восклицание Достоевского: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов это подчеркните) стать братом всех людей, «всечеловеком», если хотите. И все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое», — Леонтьев возразил следующей отповедью: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! О, как мы ненавидим тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой все великое, изящное и святое, и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!.. Если такого рода ненависть — «грех», то я согласен остаться весь век при таком грехе, рождаемом любовью к Церкви... Я говорю — «к Церкви», даже и Католической, ибо если б я не был Православным, то желал бы, конечно, лучше быть верующим католиком, чем эвдемонистом и либерал-демократом!!!.. Уж это слишком мерзко!!!..»

«Консерваторы сокрушаются, — писал Леонтьев, — что русский народ русскую «интеллигенцию» не любит. Это не государственная, не объективная мысль; это чисто личное порождение невольного какого-то страха, или оскорбленное чувство доброго и честного человека, считающего себя перед «народом» ни в чем неповинным. С точки зрения государственной надо, напротив того, радоваться, что народ «интеллигенцию» нашего времени не любит потому, что идеи и политические вкусы, господствующие в интеллигенции, все заимствованные, а у народа идеи и вкусы все свои; сближаясь с народом, мы только вредим ему; не в том каком-нибудь грубом смысле, что мы его обманываем или грабим или можем отстранить его от каких-нибудь вещественных благ, а в том более важном смысле — что мы почти нечаянно учим его европейству и не можем не учить, потому что сами до сих пор выдумать ничего не были в силах и в деле творчества национального стоим гораздо ниже азиатских народов: индусов, китайцев, мусульман, у которых все почти свое. Поэтому говорю: тот, кто понимает, до чего дорог культурный, национальный стиль для нашего государства, до чего спасительно может быть теперь для славянства постепенное свержение умственного ига Европы,

тот должен желать не дальнейшего влияния «интеллигенции» нашей на простолюдина русского, а наоборот, — он должен искать наилучших способов и наилегчайших путей подражания мужику».

Упрощение и грядущий упадок западной государственности Леонтьев видел в абсолютизме господствующей в Европе материалистической философии, о которой отзывался как о самой примитивной, ибо ничего не может быть проще и понятнее, чем заявить, что все окружающее — материя, что не существует ни Бога, ни святого духа, ни бессмертия души, поскольку мы их не видим и не осязаем.

По справедливому суждению Леонтьева, политика любого государства не может быть бескорыстной, поскольку государство — не физическое лицо, а общественный институт, вся совокупность людей, живущих в данный момент в границах этого государства. Отсюда государство руководствуется в той или иной степени интересами граждан (как правило, незначительной части, проживающих на его территории) и не имеет права на самопожертвование. По Леонтьеву высшая форма самопожертвования, как ее и понимают большинство религий, это способность отдать свою жизнь за жизнь другого. Невозможно представить, что одно государство могло пожертвовать своей «жизнью» ради существования другого государства. Если бы политическим руководителям России предстояла альтернатива: сохранить существование любого из государств Западной Европы взамен своего собственного существования или же сохранить свою независимость и свое существование ценой гибели этих других государств, то выбор в пользу сохранения российской государственности очевиден.

Совет от Леонтьева прост: чтобы устоять в этой борьбе, русские должны меньше думать о Европе, а больше о России, и остановить натиск федеративной Европы, для того чтобы в эпоху грядущих потрясений спасти в ней самой то, что есть истинного и благородного.

РОССИЯ И ПАНСЛАВИЗМ

Леонтьев рассматривал вопросы панславизма в связи с особенностями национальной психологии славянских народов в целом ряде программных статей, в частности, «Русские, греки и юго-славяне. Опыт национальной психологии», «Сквозь нашу призму» и других.

«Нельзя, разумеется, не отчаиваться в будущности славянства, — пишет Леонтьев, — когда слышишь, например, что множество русских людей ожидают спасения России от «дальнейших либеральных реформ» или, скажем яснее — от демократической конституции. Нельзя не ужаснуться за наше будущее, когда с изумлением начинаешь понимать, что соотечественники наши хотят лечить нас от крайнего европейского радикализма тем же самым радикализмом, только постепенным и умеренным».

Русским не только свойственно постоянно судить самих себя, виновная доля осуждения достается европейцам и представителям азиатских народов.

«Одни только юго-славяне всегда хороши, — замечает Леонтьев, — если они нам очень близки, если они нам братья, мы должны относиться к ним как к самим себе, с прямотой и откровенностью. Критика доброжелательности не исключает. Если сербская ли, болгарская, греческая интеллигенция нам чем-нибудь не нравятся, из этого никак не следует, чтобы мы не должны помогать всеми силами народам, руководимым обыкновенно этим во главе их стоящим слоём. Самый грубый или алчный черногорский воин, самый легкомысленный и пустой румын, самый надменный коварный грек, самый упрямый и лукавый болгарский чорбаджи должны быть для нас дороже и ближе самых пресвященных и самых благородных по характеру английских лордов, дороже и ближе самых простодушных, даже честных мусульман, самых безукоризненных по личным свойствам и образу жизни папистов».

Незаменимыми достоинствами России для славянских народов, расположенных к ней политически, Леонтьев называет следующие: православное или славянское государство с миллионной армией; европейское воспитание светских людей; чрезвычайно высокие дипломатические способности и дальновидная глубина российской внешней политики.

Если провинции одного и того же государства часто имеют противоположные интересы и вступают друг с другом в политическую, торговую или в крайних случаях вооруженную борьбу, то наивно полагать, чтобы все славянские племена, жаждущие государственной самобытности и сепаратизма, жили бы между собою в вечной идиллии. У России всегда будут частные несогласия с западославянским или югославянским миром, но важно сохранять связь между ними настолько тесной, чтобы противостоять западной экспансии.

Образование одного сплошного и всеславянской государственности стало бы, по мнению Леонтьева, началом падения государства Российского — «Русское море» иссякло бы

от слияния в нем «славянских ручьев».

Меткими характеристиками в статье «Сквозь нашу призму» 1880 года Леонтьев очертил особенности некоторых славянских народов:

«Благоразумные чехи» — «Есть что-то несимпатичное в крупных претензиях этой небольшой, но многограмотной славянской нации... что-то мелкое в ее колебаниях между необходимой Австрией и Россией, на которую глядят в Праге, вероятно, свысока, но признают весьма пригодною для легкого устрашения, от поры до времени, своего же немецкого начальства... Всеславянство не почувствовало бы глубокого лишения от утраты этой небольшой и более ученой, чем особенно умной нации, и без того самой географией так далеко втиснутой в немецкий *Gesammt-Vaterland!*.. Несколькими сотнями тысяч либеральных мещан будет меньше...»

«Волки в овечьих шкурах» — «Болгарская «интеллигенция» была всегда не настоящего славянофильского духа; она его не постигала вовсе; она и под турком жила западными идеалами. Она мечтала о конституции и получила ее. Они знают, чего хотят и добиваются... Они очень ловки и лукавы!.. нельзя не сказать и здесь еще раз, что болгарская «интеллигенция» очень вредна и очень опасна и для России, и для своего собственного народа. Она очень расчётлива и очень смела. И теперь они так искусны, так тверды и так решительны в политических «оборотах» своих, что заставляют и Россию вот уже около двадцати лет идти за собою в делах международной политики. Ни греки, ни черногорцы, ни сербы не могли заставить нас воевать, а беззащитные болгары, при этой самой беззащитности своей взбунтовавшись так решительно, принудили и нас обнажить против Турции привычный нам меч!»

Греки — «...горячо жаловались на то, что «Россия велика, да не сердита». Я греков люблю, и мне жаль, что они, влачась во всех понятиях за политически ненавистной им Европой, просматривают и проглядывают сами великую, назревающую славяно-русскую культуру, которая одна только в силах обновить историю. Все единоплеменники и единовверцы наши ценят нас на столько, на сколько мы европейцы: им и в голову не приходит ценить в нас то, что в нас собственно русское».

СЛАВЯНСКО-ВОСТОЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Почти все, напечатанное о Леонтьеве, высказано преимущественно на основании двух томов его сборника «Восток, Россия и Славянство», увидевшего свет в 1886 году и составляющего лишь незначительную часть его наследия.

Леонтьев, возможно в силу врожденной скромности (вспомним: «Я не намерен занимать читателя слишком много моей персоной, никому, по-видимому, особенно не нужной...»), никогда не задавался глобальной целью создания философской системы, как Данилевский или Вл. Соловьев, но почти в каждом абзаце его многочисленных статей, объединенных общим заглавием: «Восток, Россия и Славянство», — содержится невероятное количество глубоких и оригинальных мыслей, множество предсказаний, которые впоследствии будут подтверждены новейшей историей.

Заглавием сборника Леонтьев как бы устанавливает внутреннюю иерархию предметов своего изучения. Славянство отодвигается на задний план, поскольку главная мысль — о новой культуре, причем не европейской, не утилитарной, при этом России — как великой надежде на возможность формирования новой культуры — отводится второе место; а на первом месте главный центр внимания — Восток как носитель иных, совершенно не похожих на европейские и славянские, культурные начала и ценности. Эту иерархию отчетливо осознаешь при внимательном прочтении книги.

Леонтьев — полагает свою роль в образе единственного в своем роде гражданина некоторого умозрительного отечества. Именно в этом смысле, что он предлагает отринуть доминирование западных предрассудков, верований, привычек, как не отвечающих существу русской ментальности, и обратить внимание на неисчерпаемый потенциал восточной культуры и религии, утверждая в частности, что «...мне весь нынешний «цивилизующий» процесс так противен, а турок нравится больше славянского либерала...»

Как справедливо указывал Леонтьев, для Данилевского и Хомякова освобождение славян и их политическое сближение с Россией должно было служить лишь средством, а не целью. Целью же было создание своей цивилизации, непохожей на западную, своей культурной традиции, по возможности, независимой от культуры европейской.

С 1863 года Леонтьев служил в русских консульствах на Крите, позднее в Турции, Румынии, Албании, Греции, жил на горе Афон.

Он обратился к востоку сторонником культурного славянофильства (именно со братьями-славянами), но, прожив там порядка десяти лет, не нашел родников оригинального славянского духа у западных и южных славян, которые по оценкам Леонтьева гораздо больше поражены либеральным европеизмом, чем Россия. Это наблюде-

ние послужило основанием для печального, но вполне логичного, вывода: панславизм, отказавшийся от православия в пользу католичества или пронизанный европейским либерализмом, несет гибель прежде всего для России. Леонтьеву ничего не оставалось делать, как начать возводить свою культурную теорию без акцента на славянство, рассматривая заботы России о них и посильную поддержку в качестве необходимого культурного зла.

«Не захотят ли, например, славяне и другие народы Востока, объединенные в небывалых еще политических сочетаниях, выйти на совершенно новые пути мысли и жизни? И если славяне настолько уже проникнуты европеизмом, что они не в состоянии будут водрузить на развалинах опошленной романо-германской цивилизации знамя оригинальной культуры, то не пожелают ли этого миллионы и миллионы других азиатцев, которых современный европеизм, быть может, только пробуждает от векового культурного отдыха? Не вернее ли ждать для износившегося Запада последних разрушительных судорог или медленной агонии?»

«Я верил и тогда, верю и теперь, — писал Леонтьев, — что Россия, имеющая стать во главе новой восточной государственности, должна дать миру и новую культуру, заменить этой новой славяно-восточной цивилизацией отходящую цивилизацию романо-германской Европы».

Необратимые международные события последнего времени показывают, что великие и пытливые умы ошибаются редко, ибо их суждения основываются на наблюдательности и глубоком знании человеческой природы, которая на коротком историческом пространстве не успевает претерпеть существенных положительных изменений, не имея к этому объективных предпосылок.

Будем же и мы свободными от навязанных мнений, тем более что все последующее развитие России, Европы и весь ход мировой цивилизации подтверждает объективность оценок К. Леонтьева, который в одном из своих трудов так высказался о содержании своих философских доктрин: «Я праздновал бы великий праздник радости, если бы кто-нибудь несомненными доводами убедил меня, что я заблуждаюсь».